

Дорогами смерти

Я родилась 15 апреля 1926 года в селе Благовещенка Алтайского края. У моих родителей — Прудниковых Павла Семёновича и Таисии Ивановны — было три дочери: я, Агафья и Екатерина. Жили мы в одном доме с отцовой сестрой. Вместе держали большое хозяйство — лошадей, коров, телят, гусей, кур. Все работали дружно и много. И понятно, жили в достатке. Но в 1930 году нашу семью объявили кулацкой и отобрали дом, скот и всю до последней мелочи домашнюю утварь. Можно сказать, оставили нас голыми и отправили в Томскую область — в селение Средний Васюган.

Как написала впоследствии моя сестра Зоя Прудникова, родившаяся в ссылке, «Кулаки» называли нас зло,
Не стеснясь, молили их
смерти
Преспокойно хватали добро
И шипели: «Погибните,
черти!».
Вот и плыли те люди
с Алтая,
Потеряв нажитое за жизнь.
Стон и плачь не стихали
над рекой
Дополняли мошка и болезнь...

Только вспомню, как мы в Васюган добирались, и сейчас дрожь бьёт. До Омска ехали в вагонах, в которых скот перевозили. Много несчастий случилось по дороге.

Перед самой отправкой у жены Купрея Ноженко от переживаний начались преждевременные роды. Она родила мертвого мальчика, и сама скончалась. Обезумевший от горя Купрей с пятилетним сыном и двумя трехлетними дочками-близнецами метался по вокзалу. Началась посадка, а он не находил себе места. Мужики кричали: «Беги к вагонам, жену схороним!». Он прибежал к самому отправлению поезда, упал ничком на свои вещи и рыдал. Плакали и дети, сгрудившиеся возле него.

В Омске нас перевезли на пристань, погрузили на две баржи. Сколько было здесь несчастных людей! В трюме всем не хватило мест. И мы расположились наверху. Нас донимал то дождь, то сильный ветер, то палящее солнце. А в тихую погоду не было спасения от мошкар, комаров и оводов.

Первыми умирали грудные младенцы и старики. Когда умерших оказывалось много, баржи приставали к берегу. На берегу выкапывали канавы, укладывали в них покойников и присыпали землёй. На место захоронения ставили наспех сколоченный крест. Если же покойников было мало, то их обматывали тряпьем, привязывали груз и сбрасывали в реку.

Мёртвых младенцев от надзирателей скрывали — их складывали в мешки и ждали, пока можно будет похоронить на берегу. У моих родителей умерла двухлетняя Катя. Мама нянчила умершую дочку, пела ей колыбельные песни, разговаривала с ней и просила соседок не выдавать её надзирателям.

Доплыв до селения Средний Васюган, баржи пристали к берегу. На совершенно пустынном месте стоял столб с прибитой на нём табличкой «участок № 4». Ссылным предстояло здесь обустроиваться и начинать новую жизнь. Первым делом похоронили умерших в пути. Потом вырыли себе землянки. А потом валили лес и стали строить избы. Взрослые каждый день ходили в комендатуру отмечаться.

В ссылке у моих родителей родилась дочка Зоя. После Зои родилась еще одна дочка, в честь умершей в дороге сестры её назвали Катей. Но и этой Кате не суждено было выжить. Девочку убили и съели «людоеды-евреи»- так называли в тех местах всех сосланных прибалтов. От комендатуры скрыли, сказали что пошла в тайгу за родителями и заблудилась. А после того как нашли голову девочки, слух о её убийстве подтвердился.

Вот вновь строки из Зоиних стихов:

Среди топких болот
Васюгана
Родилась я на ссылке
в глуши.
Соболь, белка играли
в тиши
Страшный голод. Как все
на селе
Ели кору, колбу, лебеду
Утром лес корчевать
гнали всех.
Меня в зыбке бросали одну.
Но пожить, видно, мне
суждено,
Я росла, как былиночка
в поле,
Не изведав, что детям
дано...
Не хотела б врагу такой
доли.

На Большой земле

...В 1944 году я уехала из Среднего Васюгана в посёлок Каргасок учиться на мастера по засолке рыбы. Получила паспорт в Новом Васюгане, и меня взяли на пароход «Тоболяк», позже переименованный в «Чехов», маслёнщиком в машинное отделение. Потом работала кассиром на пароходах «Тара», «Обь», «Пролетарий». Потом сошла на берег и работала на заводе в посёлке Самуськи, тоже кассиром. Последние десять лет перед пенсией — в поселковом совете, была инвентаризатором и занималась делами по благоустройству поселка.

В 1989 году мы с мужем и детьми переехали в город Томск. Купили здесь небольшой домик по переулку Дорожному. А в 2001 году нагрянула новая беда- наш дом сгорел. Хорошо еще, что он был застрахован, и на полученную страховку мы смогли приобрести четверть дома в переулке Орловском. Но и тут долго не задержались - дом попал под снос, и мы получили квартиру в районе телецентра, на улице Пушкина.

Муж мой Анатолий Никитович Шубин несколько лет назад умер. Живу одна, но меня навещают дети и друзья нашей семьи. Дважды в неделю приходит соцработник.

Я – ветеран тыла, награждена медалью «За трудовую доблесть и юбилейными медалями в честь Победы в Великой Отечественной войне».